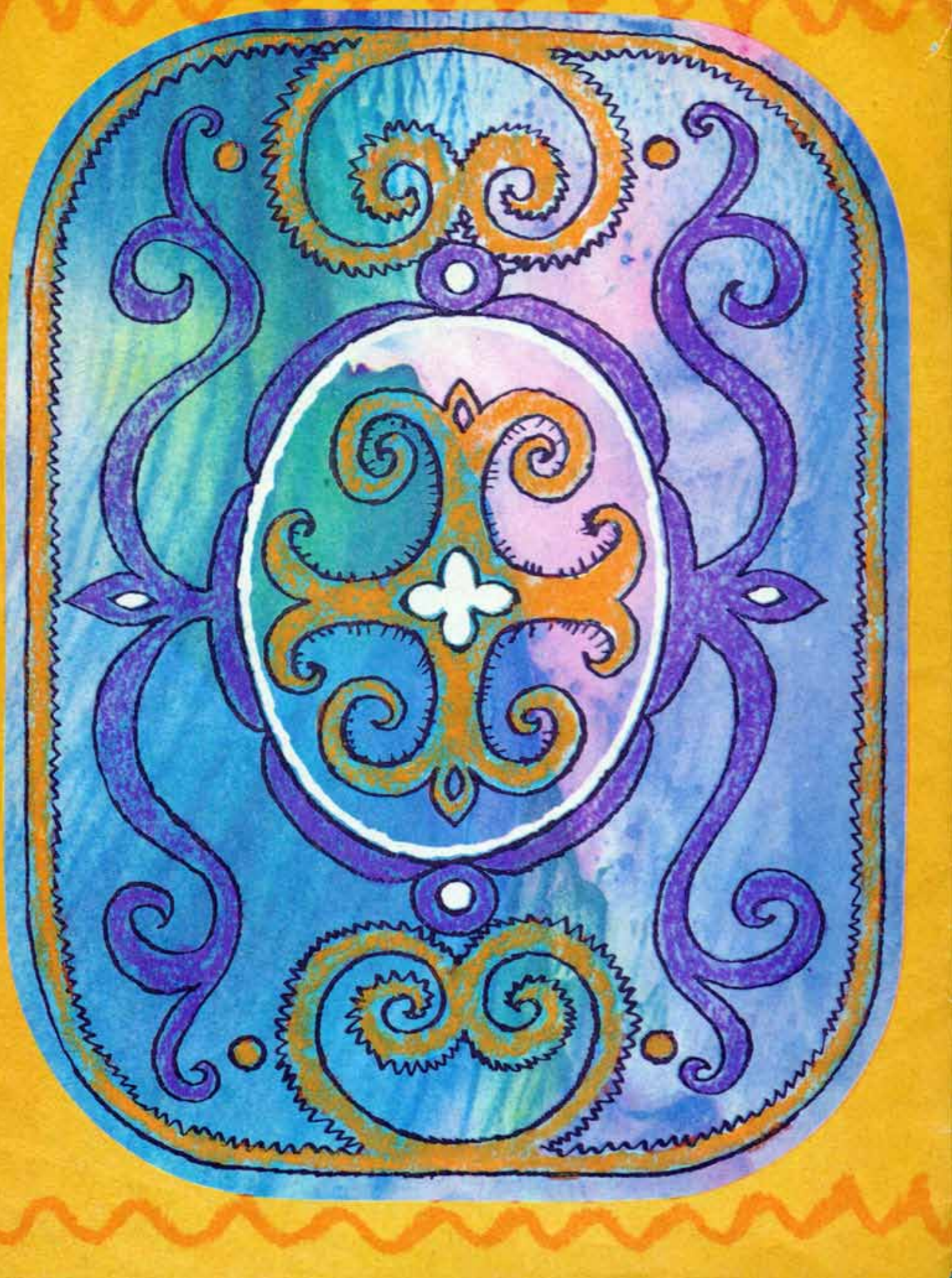




ДИБАШ КАИНЧИН
**ДЕВОЧКА
И ЯГНЕНОК**



Девочка - помощница Мамы

День стоял веселый, как праздник. Пришло наконец тепло, по которому так соскучились за долгую зиму. Солнце поднялось над селом и отогревало его, ярко зеленели вокруг по склонам травы, а вершины сверкали вдали белыми льдами.

На свой любимый телеграфный столб устало опустилась Ворона. Давным-давно, когда не было в долине ни столбов, ни домов, здесь лежал, черный камень, а из-под него струился ручеек. Ворона напивалась ключевой воды, садилась на камень и думала. Дум у нее всегда было много: где найти еду, как вырастить обжор-воронят, как уберечь их от грозных беркутов.

Прошло время, камень врос в землю, зато на этом месте оказался телеграфный столб. Ворона стала сидеть на нем. Со столба много видно, а Ворона была любопытная. В последние дни ее особенно интересовало, чем занята рыженькая Девочка из дома внизу.

А Девочка сидела на крыльце и поила молоком Ягненка. Ему, наверное, недели еще не исполнилось, и пил он из бутылки. Ягненок был белый, молоко в бутылке — тоже белое и пузырилось, потому что оно парное.

— Давай, давай, работай хорошенько, — приговаривала Девочка. — До обеда не буду кормить тебя. Сам учишь еду находить. Вон сено лежит, зеленое, вкусное. А в корытце том овес. Много будешь есть — быстрее вырастешь. Высоким станешь, сильным, красивым. Ай-ай, не надо проливать!..

Ягненок торопился, весь дрожал, а коротенький хвостик у него смешно дергался.

— Мама твоя, Худенькая Овечка, принесла двойню, а молока у нее мало, — объясняла Девочка. — Только-только хватает братику Черноуху. Вот и забрали тебя к нам домой. Но ты не горюй. Я тебя буду поить.

Выпил Ягненок молоко.

— Не жадничай! Не соси пустышку! Животик заболит. — И Девочка погрозила пальцем. — Ишь, какой. Запомни, что говорит мой Папа: «Если голоден — не съедай все дочиста, если сыт — ничего не выбрасывай». Понятно тебе?

А Ягненок и не заметил, как задремал.

— Эй, просыпайся!

Девочка легонько ткнула Ягненка в бок и побежала к юрте. Во всех дворах девочкиного села рядом с домами — юрты из толстого войлока. Ягненок, взбрыкивая, понесся белым комочком за Девочкой.

— Кур будем кормить! — крикнула Девочка на бегу.

Что тут началось... Закудахтали куры, захлопали крыльями. С забора, из-за ручья, одни пешком, другие взлетая — бросились к юрте.

— Дает, дает! — заголосил Большой Петух. — Как бы не опоздать! Все сюда, все!

Девочка вынесла ведро. А в ведре у нее был ячмень — любимая куриная еда. Девочка звонко позвала, поведя рукой:

— Дип-дип, цып, цып, цып!..

Но звать уже и не надо было, все куры и петухи собрались перед ней. И Девочка принялась щедро разбрасывать ячменные зерна, желтые, как золото.

Ворона у себя на столбе заволновалась и даже переступила с ноги на ногу. Она обожала все сверкающее. В гнезде у нее хранилось самое настоящее золотое кольцо. Ворона стащила его у людей давно и очень им гордилась. Иногда тайком надевала кольцо на клюв и разглядывала себя в осколке зеркала, тоже раздобытом по случаю.

Куры, толкая друг дружку, часто-часто тюкали клювами по земле — собирали зерна.

Будто град падал с ясного неба.

— Раз, два... — считала Девочка.— Шесть... Восемь, девять... Десять кур. Раз, два, три... Еще десять. Да не мечитесь вы! И еще — раз, два, три, четыре. — Девочка весело запрыгала на одной ноге.— Все они у меня, все!

Она умела считать еще только до десяти.

Ворона умела считать до ста пяти: она прожила сто пять лет.

— Только не деритесь! — сказала Девочка. — Всем хватит зерна! Вот ты, Большой Петух, зачем ты обижаешь Пестрого Петушка? Ведь он скоро вырастет, достанется тогда тебе от него!

Но ее будто никто не слышал.

— Безобразники, — ласково стыдила Девочка. — Ну почему вы такие? Ты вот, Рябушка, почему такая вредная? Каждый день я должна искать яйца в крапиве. Мне же больно... А ты, Беленькая? Опять, я вижу, рылась в картошке. Не надо больше этого делать! Глядя на тебя, и другие начнут...

Тиш-тишш — прилетели воробьи. Воровато озираясь на кур, стали подбирать зернышки, упавшие в стороне. И почему они так боятся? Ни разу Девочка не видела, чтоб куры на них напали. Воробьи были свои, они и зимовали тут, во дворе. Под крышей дома, в складках юрты — повсюду воробьиные гнезда. По утрам уши закладывает от крика птенцов.

— Кто это вас звал? — строго спросила Девочка. — И так уже зерна мало. Всю зиму вас кормила. Достанется мне от Папы... — Вздохнула. — Ладно, насыплю вам отдельно. Вот, пожалуйста... Только зачем ты, Толстый Воробей, воду пьешь из ручейника? Ведь ручей рядом, там чистая вода. И сметану нашу ты утром клевал с казана...

Вороне хотелось закусить со всеми за компанию.

Но она знала: сделал кому-нибудь плохо — жди от него подвоха. Бывало ведь, и яйца у кур воровала, и цыплят уносила. Так что какая уж тут компания!

Вон он, Большой Петух... Попробуй только Ворона приблизиться — сразу заметит, заорет на весь свет: «Ка-ра-ул, кара-ул! Прячься, скрывайся!» И такая поднимется заваруха, что может даже выскочить из дома Папа рыженькой Девочки. Выскочит, а в руках у него... ружье! Ох, уж это ружье... Сколько раз в своей долгой жизни Ворона слышала его гром, сколько пуль и дроби просвистело мимо, срывая перья... Нет, нет, ничего не надо, только бы никогда больше ружья не видеть!

Да и Толстый Воробей тоже начеку... Скачет, клюет, а одним глазом все следит за Вороной. Это он, конечно, учит воробышков держаться подалеже. Эх, я бы тебя сейчас... Но разве подлетишь!

Ворона, однако, была сыта. Как хорошо, что кончилась голодная, стылая зима. До чего же приятно жить, когда впереди столько радостей, удовольствий.

— Сыта я по гор-р-рло! — неожиданно для самой себя хвастанула Ворона.

Тогда и Девочка заметила ее. Подняла голову.

— И-и, это ты? — удивилась. — Давно тебя не было видно. Где пропадала?

— За гор-рою, — охотно заговорила Ворона. — Вор-р-ронят высидела. Четыр-р-рех вор-ронят. Чер-рные, кр-ра-сивые.

— А у меня вот Ягненок растет, — сказала Девочка.

И погладила Ягненка по макушке, на которой торчал хохолок из сияющей, словно светящейся шерсти.

Ягненок был такой красивый, налитой, что у Вороны слюнки потекли.

— Знаю,— пробурчала она, заходясь от жадности. — Это детеныш Худенькой Овечки.



— Вот таким большим он у меня станет! — показала Девочка.

— Вр-р-решь! Кар-р! Пусть умр-р-рет! — вскинулась на столбе Ворона. — Гр-рудка у него жир-р-рная!

Девочка замахала руками:

— Не каркай! Кыш! Уходи! Вон, смотри, Папа. С ружьем!

При этом слове екнуло сердце у Вороны. Неуклюже растопырив крылья, она снялась со столба и скоро скрылась из виду.

Девочка и Чабанка

Девочка еще погладила Ягненка по голове. Потрогала теплый затылок и ушки. На затылке у Ягненка было темное пятно. И кончики ушей были черные.

Мимо проезжала Чабанка на Белой-Лошади. В лисьей шапке, в скрипучем брезентовом плаще. Прочные башмаки в стремях. Ехала в горы, к своим овцам.

— Э-э, крошечка, Ягненок у тебя? — спросила Чабанка. Остановила Белую Лошадь и перегнулась через прясло.

— Да, — ответила Девочка. — Посмотрите, какие умные у него глазки. А копыта, смотрите, какие крепкие. И он уже прыгает! И растет быстро-быстро. Я его кормлю молоком из бутылки.

— Правильно, дочка, правильно.

— Он у меня будет вот таким большим! — показала Девочка Чабанке.

— Будет, крошечка моя, будет, — ласково улыбнулась Чабанка. — Не зря говорят: кто кормит скот — хороший человек, сердце у него доброе.

Девочка вдруг опустила голову и нахмурилась.

— А Папа сказал, скот растят, чтобы у людей была еда...

Чабанка выпрямилась в седле.

— Ты корми, дочка, корми. А там видно будет. Сама поймешь, что к чему.

И Чабанка тронула поводья. Белая Лошадь, помахивая хвостом, зашагала дальше.

Скоро в глазах Чабанки отразятся вечные льды вершин.

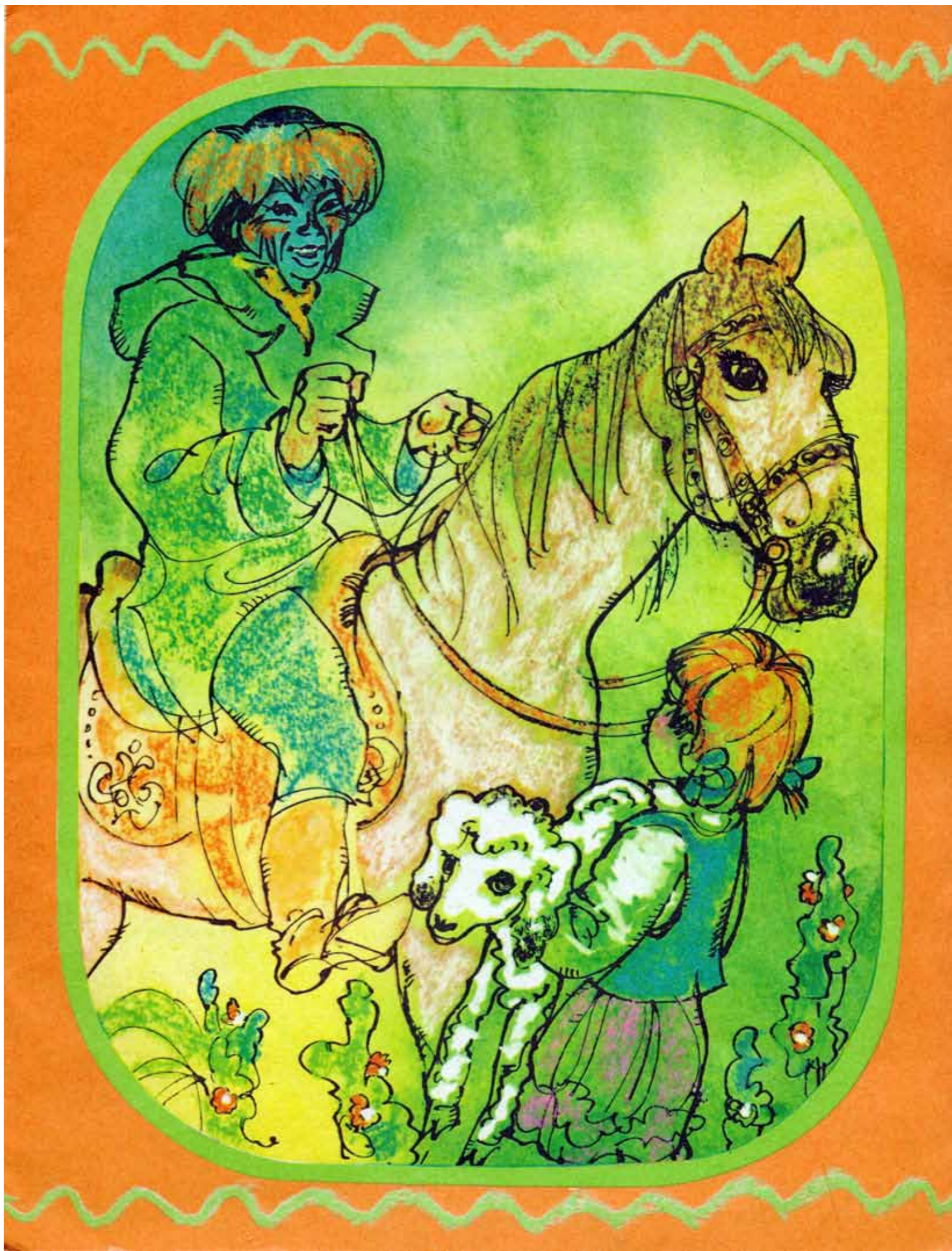
Как зовут нашу Девочку

Вечерами, как только Папа возвращается домой, Девочка забирается ему на колени. И Папа говорит тогда:

— Ершистенякая, глазастенькая, рыженькая моя шалуныя!

Почему ершистенякая? Потому что сначала волосы у Девочки были короткие и стояли торчком. Теперь-то они, конечно, отросли, загустели, можно и бантик завязать. Ушки наострившие в них совсем спрятались. Глазастенькая почему? Тут такая история. Мама рассказывала: когда она родила Девочку, то испугалась — где же у нее глазки? «Но щечки потрогала, — смеялась Мама, — и сразу глаза раскрылись!» Можно добавить: и смотрят с тех пор на мир весело и пытливо. И еще надо сказать, что Девочка была не просто рыженькая. В волосах у нее словно золотые нитки проблескивали. Точь-в-точь, как в бороде у Папы. «Эх, — шутил Папа, — надо было назвать тебя Алтын-Чач — Златовлаской!» А как Девочку зовут на самом деле — об этом чуть позже.

Есть у Девочки братья и сестры. У каждого брата и каждой сестры, кроме учебы, свои обязанности по дому. Мальчики кормят и поят коров и овец, убирают навоз, колют



дрова, топят печь. Сестры наводят порядок в комнатах, помогают варить обед, вяжут из шерсти и пуха одежду для всей семьи. Девочка — самая младшая; ей поручили кур и Ягненка.

Как же все-таки зовут Девочку?

Повстречалась ей однажды на улице Старая-Престарая Старушка. Наклонилась к Девочке и говорит, будто все на свете знает:

— Ты, наверное, Тана?

Девочка только замотала головой из стороны в сторону.

— Тогда, конечно, Нина.

Опять замотала девочка головой.

— Кто же ты? — спросила Старая-Престарая.

А Девочка молчала и молчала. Робела перед Старушкой.

— Выходит, Диломаш, — решила Старая-Престарая.

— А вот и нет! — наконец раскрыла рот наша Девочка. Но тут же прихлопнула губы ладошкой.

Какие только имена ни вспоминала Старая-Престарая: Торколой и Тоня, Алтынай и Аня... Но не смогла угадать. А угадать было совсем легко: Папа назвал дочку Кузелеш, что означает — желанная,жданная. Просто удивительно, как не додумалась до такого простого Старая-Престарая Старушка.

Девочку, значит, можно называть Кузелеш. Или, лучше, Кузелешей. А вот с Ягненком как быть? Он мог бы стать Черноухом, но так зовут его братца, который с Худенькой Овечкой на летнем пастбище. Мог бы стать Тынкой, Тышкой или, скажем, Прыгунком; но все подходящие имена уже раздали другим ягням, знакомым Кузелеше. Поэтому его и дальше будем звать Ягненком.

Как играли Девочка и Ягненок

Прыгала Кузелеша через скакалку у входа в юрту. Вверх-вниз, вверх-вниз — так и мелькали синие бантики. Шу-шу-шу — невидимо крутилась скакалка, тирс-тирс-тирс — едва касались земли ноги Кузелеша. А иногда почти и не касались, вот-вот поднимется она выше юрты.

Ягненок тоже прыгал. Он успел подрасти. И как красиво теперь прыгал! Вот задорно тряхнул кудрявой головой. Чт! — оттолкнулся. Тазырт! — зазвенели копытца, когда он приземлился. И не думайте, что Ягненок прыгнул один раз и встал. Он, как мячик, подскочил раза три-четыре, а потом, еще взбрыкивая, побежал по двору.

Умчался за угол дома, а когда вернулся — не увидел Кузелешу. Куда она спряталась?

— Ма-а, — протяжно заблеял Ягненок. — Ты где-е-е?

А ответа нет.

Долго прислушивался Ягненок. Потом Кузелеша невыдержала, хихикнула.

Кинулся Ягненок опрометью к сням. Глянул: и вправду, Кузелеша там притаилась!

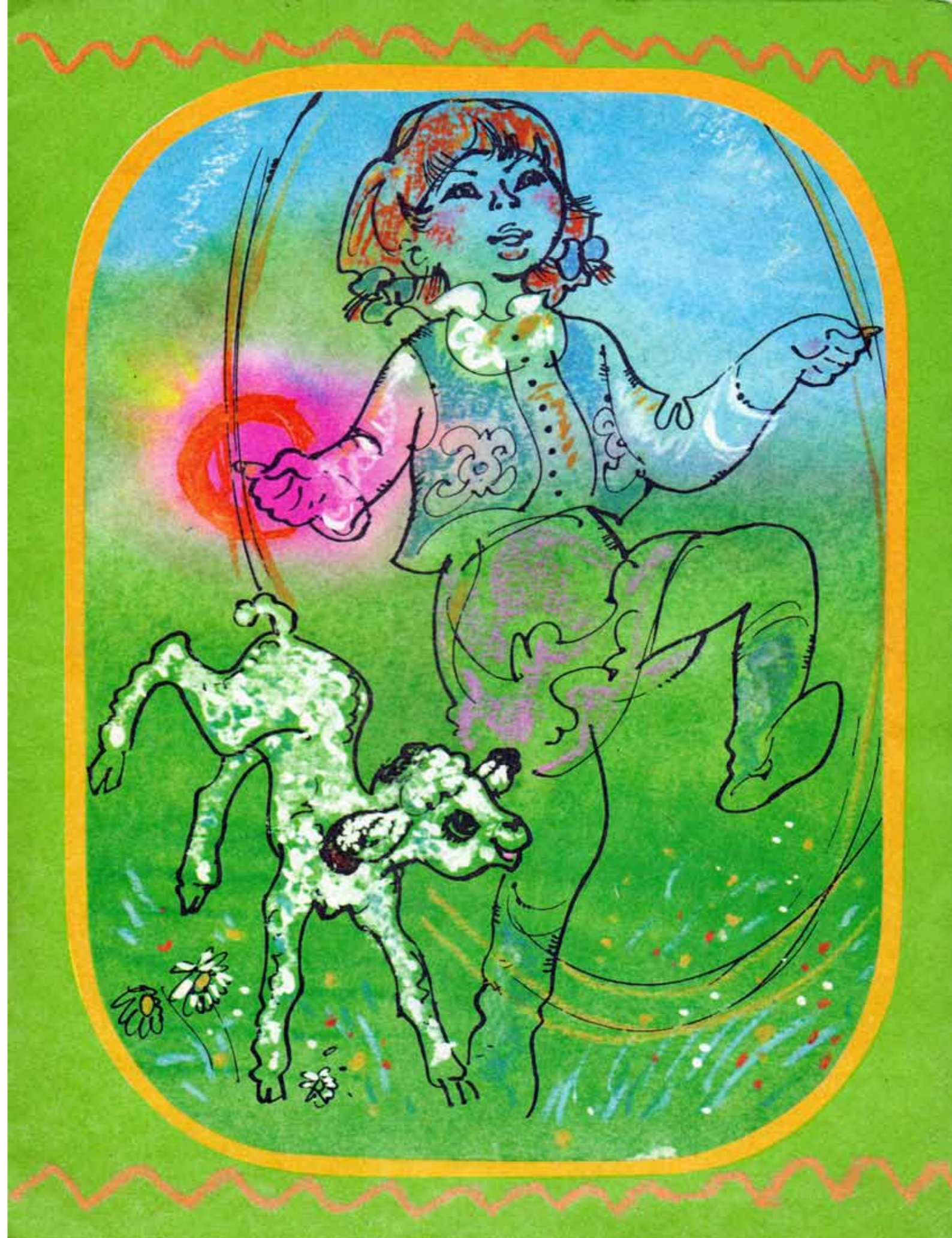
— Бау! — крикнула Кузелеша.

Ягненок от неожиданности отскочил. А Кузелеша засмеялась и побежала мимо него к юрте. Ягненок, вскидывая короткий хвостик, боком-боком, понесся за ней.

И тут опять началось.

— В юрту бежит, в юрту-у! — закатывая глаза, завопил Большой Петух. — Зерна нам хочет дать, зерна! Как бы не опоздать! Быстреей, быстреей!

Кузелеша обернуться не успела — все петухи, куры и цыплята ее обступили. Зама-



хала руками:

— Кыш-кыш, ненасытные!

Но потом решила:

— Придется вас кормить. А то не дадите нам поиграть.

Вынесла из юрты ячмень, начала разбрасывать.

Тук-тук-тук, — принялись куры за еду.

«Ну что ты спешишь? Будто курица, когда зерно клюет», — говорила Мама, если Кузелеша обжигалась горячим супом, торопясь к подружкам. Зато Мама и хвалила: «О, глазыньки у моей дочери видят зорко, как у курицы!» Так она говорила, когда Кузелеша ловко вдевала нитку в иголку.

Ягненок тоже пытался поест. Ткнется носом в землю, а подбирать зернышки по одному не может. Только мешал курам.

Кузелеша присела на корточки.

— Зачем вы меня опозорили? — спросила тихонько. — Пошла я в магазин, обернулась и вижу: вы все идете за мной. На целую улицу растянулись. Так вы повсюду станете за мной ходить? А народу в магазине было много. Все смотрели в окно и смеялись. «Вон сколько у девочки кур, — сказал продавец. — Хорошая из нее вырастет хозяйка». Как мне было стыдно! Гоню вас домой, а вы не слушаетесь. Все еще пуще смеются. Больше не делайте так...

Пересчитала Кузелеша цыплят. У Рябушки их появилось девять, у Беленькой — семь, у Желтоглазой — пять. Чернушка, маленькая, общипанная, ходила с одним-единственным цыпленком, таким же тощеньким, как и она.

Пестрому Петушку сделала Кузелеша замечание:

— Нехорошо ты поступаешь, петушок-грбешок. Найдешь что-нибудь и кричишь: «Кыт-кыт-кыт! Смотрите, смотрите!» Куры подбегают, и тут ты проглатываешь, что нашел. Если не делишься, то зачем кричишь?

Куры наелись, напились воды и улеглись в золу. Задремали.

А Кузелеша с Ягненком десять раз обежали вокруг юрты и, усталые, сели в тени под навесом.

— Осенью я пойду в школу, — рассказывала Кузелеша, обняв Ягненка за теплую шею. — И тебя буду учить. Можно даже прямо сейчас начать!

Взяла Кузелеша щепку и стала писать на земле.

— Смотри, вот это буква «а». Ну-ка, скажи: а-а-а.

— Ма-а-а, — заблеял ягненок.

Кузелеша так засмеялась, что упала на спину и задрогала ногами.

— Кар-р-р! — тень от Вороны пронеслась по Кузелеше и Ягненку. — Он умр-р-рет!

Кар-р-р! Гр-рудку поклюю! Кар-р р!

Тут Кузелеша вскочила и показала Вороне кулак.

За минуту Кузелеша может задать сто вопросов. Если каждый ее вопрос записывать, не хватит бумаги всего мира.

— Почему человек ходит?

— Почему у человека две руки?

— Вот я расту, а другие дети в это время растут?

И так бесконечно.

Очень Кузелеша любит говорить: «правда ли».

— Правда ли, что дождь льется из тучи?

А иногда у нее все начинается со слова «скажите». Тут надо только поддакивать.

— Скажите, мед приносят пчелы?

— Да.

— Скажите, кукла внутри пустая?

— Да.

— Скажите, солнце всходит утром?

— Да.

Бывает, Кузелеша сидит-сидит, думает-думает да и спросит:

— Почему молоко у коровы из вымени не проливается?

Однако оставим вопросы Кузелешы. Все равно до их конца-хвоста не добраться.

А в иной день она ни о чем не спрашивает. Затихнет где-нибудь в укромном уголке. Только и слышно оттуда: «Пш-пш-пш». С кем это она шепчется? Да со спичечкой. Головку ей обернула белым лоскутком, вот это уже и не спичечка, а кукла. А если кукла, с ней можно и целый день шептаться.

Ягненок стал большим

Таким большим, что Кузелеше не под силу было его поднять. Разве только чуть-чуть, если он сам помогал, подпрыгивая. Вот как он вырос. Молоко он уже не сосал из бутылки, а научился пить из миски. Очень любил, если туда ему клали еще краюшку хлеба. Но больше всего ел свежей травы. Пойдет Кузелеша за деревню, нарвет травы и принесет сколько сможет. И уж обязательно привозил Папа в багажнике старенького «жигуленка». Но давала Ягненку ту траву Кузелеша сама.

Хоть Ягненок и стал большим, он по-прежнему любил играть с Кузелешей. Утром, как только она выйдет на крыльцо, Ягненок сразу заблеет у себя в сарайчике, забегает туда-сюда, не может дождаться, когда его выпустят. Прятаться научился. Влезет в закуток между сараем и курятником и затаится: найдет его Кузелеша?

На сенокос ездили и Папа, и Мама, и Кузелеша с братьями и сестрами. Когда они возвращались, Ягненок со всех ног бежал навстречу. Вот как он радовался Кузелеше! Можно, правда, предположить, что радовался он вкусной зеленой траве, которую несла Кузелеша в охапке. Но кто знает!

Когда Кузелеша была совсем маленькой, погналась она за бабочкой да и заблудилась. Остановилась посреди улицы — не может найти свой дом. Испугалась, заплакала.

Человек с Посохом хотел ей помочь:

— Кто твой папа, детка?

— Папа мой — Папа, — храбро ответила Кузелеша.

— А кто твоя мама?

— Мама моя — Мама.

— А где твой дом?

— Дом мой — дома...

И опять заплакала. Хорошо, что проезжала тут Чабанка на Белой Лошади. Она-то узнала Кузелешу. Посадила ее на Белую Лошадь впереди себя и повезла домой.

— Ты на кого похожа? — спросила Чабанка, пока они ехали.

— На Папу и Маму, — отчеканила Кузелеша. — Один глаз у меня как у Папы, другой — как у Мамы. Одно ушко похоже на папино, другое — на мамино. Эта щека у меня как у Папы, а эта — как у Мамы.

Привезла Чабанка нашу Кузелешу:
— Забирайте свое золотко.
А Кузелеша обиделась:
— Я не золотко, я ребенок!

Почему рассердилась Кузелеша

Однажды вернулись все с покоса, а встречать выбежал как будто другой Ягненок, чужой.

— Какой он смешной! — вскрикнула Кузелеша и хлопнула в ладоши.

Шерсть у него была неровно острижена, только надо лбом топорщилась челочка, и еще на ногах и на кончике хвоста болтались белые завитки. Но Кузелеша все равно по глазам сразу узнала своего Ягненка, дала ему травы и обняла.

— Хорошо теперь будет Ягняше, — улыбнулся Папа. — Прохладно будет ему, свежо.

Кузелеша попробовала ладошкой стриженный затылок Ягненка.

— Однако скоро придется резать, — озабоченно сказал Папа. И быстро добавил: — А из шерсти тебе, Кузелеша, скатаем белые валенки.

Про валенки Кузелеша пропустила мимо ушей.

— Нет, — ответила твердо, — резать, Папа, не будем.

Папа вздохнул.

— Будем, балам, будем. Как иначе? Другие наши овцы далеко, на пастбище. А братья твои и сестры каждый день косят, да и сама ты не сидишь без дела, подгребаешь сено за нами. Работа тяжелая, надо мясо есть.

Голос у Папы ласковый, а слова...

Рассердилась Кузелеша.

— Ягненок мне друг. Я его не отдам!

И убежала. Ягненок — за ней...

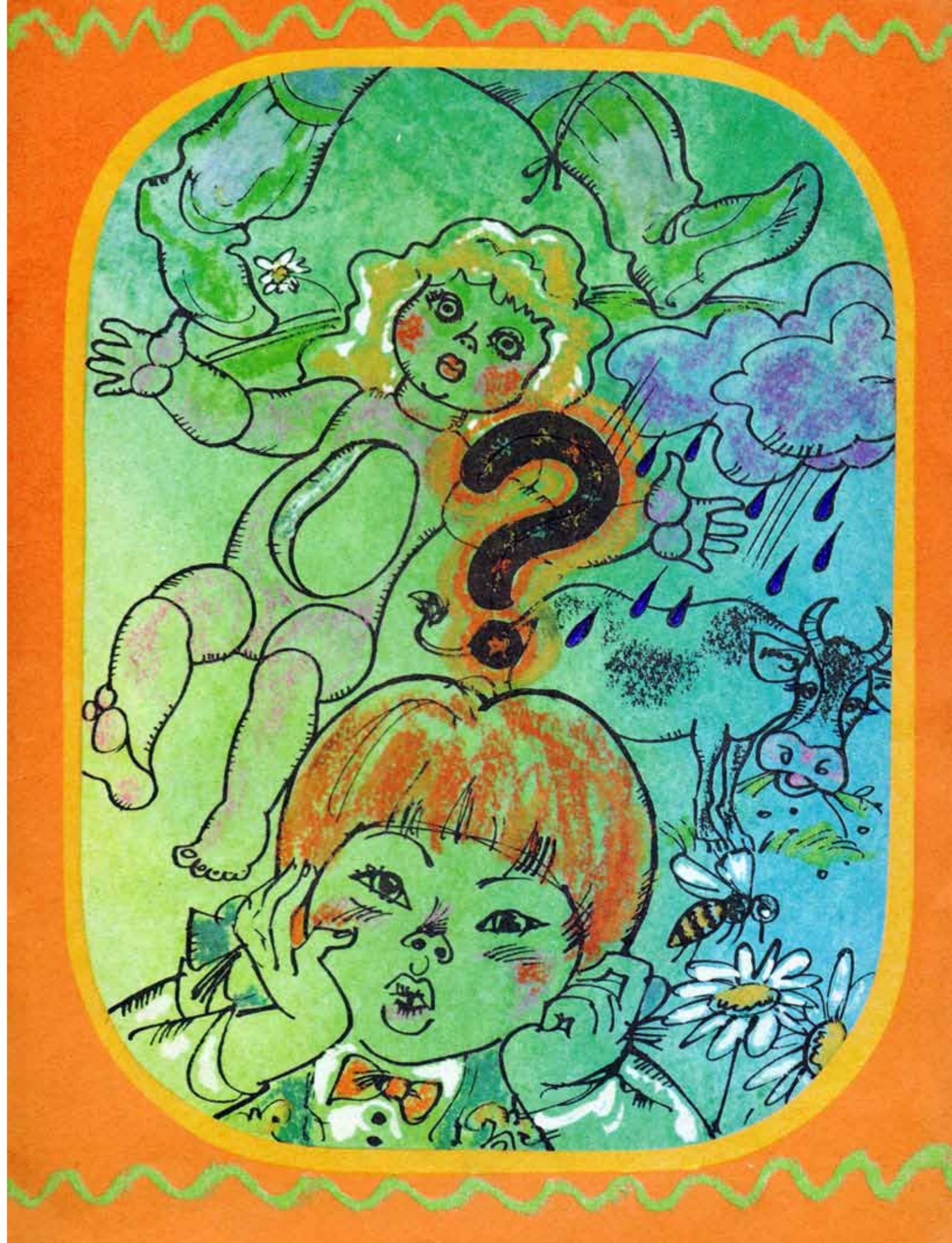
Девочка и Папа

Очень сильно рассердилась Кузелеша.

А ведь она так любит своего Папу! Папа хороший...

Как-то еще давно было — скакала Кузелеша вечером по дому, дурачилась, а тут вдруг погас свет. «Не прыгай! — сказала Мама. — Провалишься в подпол. Он открыт». Кузелеша не послушалась, и — бултых! — полетела глубоко вниз. «Ой, — закричала, — ой!» Сейчас она стукнется больно-больно... А вот и нет! Упала прямо в руки Папе. Он набирал в подполе картошку.

А как Кузелеша ездила с Папой в город? Сразу же пошли в магазин. И сколько там было кукол! «Папа, Папа, Папа! — зашептала Кузелеша. — Купи мне всех...» Папа покачал головой: «А что же другие дети, без кукол останутся? Давай купим одну. Какую ты хочешь?» Долго высматривала Кузелеша свою куклу. Выбрала небесноглазую в цветастом сарафане. Сразу назвала Машей. Кукла закрывала и открывала глаза и плакала, если ее укладывали спать. А ростом она была как раз с Кузелешу. Вот когда Папа понял, что ошибся! До этого у него на руках сидела одна Кузелеша, а теперь? Теперь — две. Папа носит, Кузелешу, а Кузелеша носит куклу Машу. А у Папы было в городе много дел, надо было ходить и ходить... Так они и ходили: у Кузелеши — Маша,



у Папы — Кузелеша. Каждый встречный улыбался, когда их видел. Конечно, Папа все равно купил бы дочке куклу; но, может, следовало это сделать попозже, перед возвращением домой?

Вот какой хороший Папа. А не хочет понять Кузелешу.

Как потерялся Ягненок

Подул северный ветер, и сразу исхлестал деревья, измял травы. Кончилось лето.

День получился хмурый, зябкий. Низко неслись тучи. Вот-вот и дождь начнется.

Кузелеша наша, усталая, голодная и грустная, медленно шла по улице. Почему же она так устала, почему загрустила? Да потому что потерялся Ягненок. Третий день, как его ищет Кузелеша.

Напоила она Ягненка, привязала на бечевку, чтоб мог пастись, наказала не отлучаться со двора. И пошла в библиотеку за книжкой. Вернулась домой совсем скоро. А Ягненка уже и след простыл.

И звала его Кузелеша, и искала. В сарае смотрела, в овчарне, в бане: может, забрался куда-нибудь и спит? В дом пошла, заглянула под кровати.

Нигде Ягненка не было.

Наверное, развязалась бечевка. А калитка была открыта. Вот Ягненок и выбежал. Да и заблудился. Заблудиться легко: деревня Кузелешина большая-пребольшая.

— И что за девочка! С улицы Бассейной, — расстроился Папа. — Надо было привязывать хорошо.

Правильно сказал Папа. Теперь бы Кузелеша так привязала Ягненка — никуда бы ему не деться!

В прошлом году потерялся у соседей один ягненок. Может, к чьей-то отаре пристал и пасется там. А может, в казан к кому-нибудь угодил. Некоторые люди не скрывая говорят: «Что овца? Овца — это, считай, сваренная баранина».

Шла Кузелеша, шла и попалась ей навстречу Старая-Престарая Старушка. Шагала она сгорбившись и руки несла за спиной.

— Вы не видели моего Ягняшу? — спросила Кузелеша.

Старая-Престарая Старушка еще сильнее сгорбилась.

— А ты чья, дитя мое?

Кузелеша решила, что Старушка плохо слышит, и крикнула:

— Ягняшу моего не видели?!

— Я хорошо слышу, — сказала Старая-Престарая Старушка. — А вот все-таки чей ты ребенок?

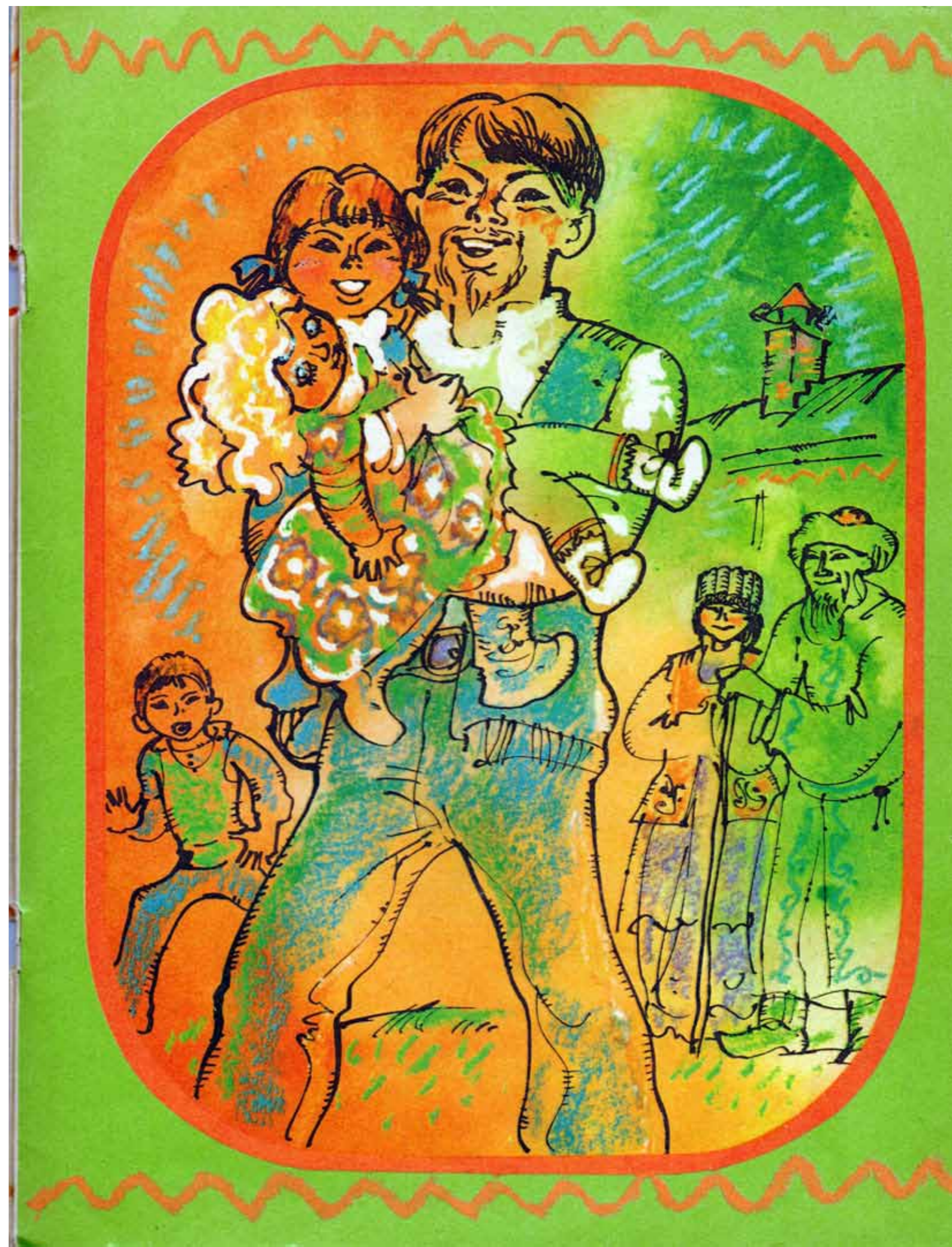
Так и не получилось у них разговора. Грустная Кузелеша пошла себе дальше, а Старушка долго еще стояла одна посреди улицы.

Что-то все же удалось сегодня Кузелеше проведать о Ягненке. Пастух коровий рассказал: позавчера Ягненок ночевал с бычками за рекой. А вчера Старый-Престарый Дед видел, как он брел за черной коровой.

— Откуда мне знать, что это твой — проворчал Дед. — Знал бы, впустил бы к себе во двор.

«А разве обязательно знать? — подумала Кузелеша. — Я бы впустила и все. А хозяин найдется».

И ведь не в первый раз пропадает Ягненок. Было уже такое. И тоже была виновата Кузелеша. Утром она выгоняла пастись телят, жалко ей стало Ягненка: все он во дворе да во дворе. Ну и пустила его на волю погулять и поесть свежей травы. «Смотри,— на-



казала строго, — ни на шаг не отставай от телят. Вечером возвращайся домой». Сама она не могла с ним пойти. «Мама собирается белить, — объяснила Ягненку, — надо ей помочь».

Ягненок все понял, кивнул. И так он обрадовался простору, свободе, так запрыгал! Вечером телята пришли, а Ягненка с ними не было. Не послушался он Кузелешу.

Назавтра все братья и сестры, даже Папа с Мамой отправились искать. Кузелеше очень было горько и стыдно...

Нашла Ягненка тогда Мама. Мальчишки носились с ним по берегу. Ягненок был у них пограничной овчаркой.

Вот уже третий день нет Ягненка

Так, наверное, грустно ему оттого, что он заблудился!

Так, наверное, ему хочется увидеть Кузелешу. Хочется, чтобы нашли его, напоили молоком, дали овса и сечки.

И так, наверное, страшно было ночевать одному, под открытым небом, на незнакомом месте, среди чужих.

А если он вышел за деревню... Отправился в горы, в лес... А там выскочил ему навстречу Волк... Или Медведь... Если даже Лисичка... А одичавшие собаки какие страшные!

«Миленький мой Ягняша, — шептала Кузелеша. — Дружок мой... Айланайн...»

Какой же он еще дурачок! Была бы Кузелеша ягненком, никогда бы не пошла далеко от своего дома. А пошла бы, так заприметила хорошенько, что дом ее — возле двухэтажной школы. Ведь школу-то видно отовсюду!

Куда же он мог деться?

Живой он, живой! Только надо его найти. Искать надо, искать...

Кузелеша вышла к лесу.

— Ягняша! — крикнула. — Ягняша-а-а...

— Кар-р-р! — с толстой красной лиственницы ответила ей Ворона.

Не хотелось Кузелеше с Вороной разговаривать, но все-таки спросила:

— Эй, Ворона, может, ты видела моего Ягняшу?

— Кар-р, кар-р, видела! К Волку направила! Вкусная гр-рудка, жир-р-рная!

Взлетела Ворона, размахалась от радости крыльями.

— Неправда! — закричала Кузелеша. — Не видела ты Ягняшу!

— Нет, не вр-р-ру! Нет, не вр-р-ру!

Закружилась Ворона над Кузелешей, большая, похожая на грязную тряпку.

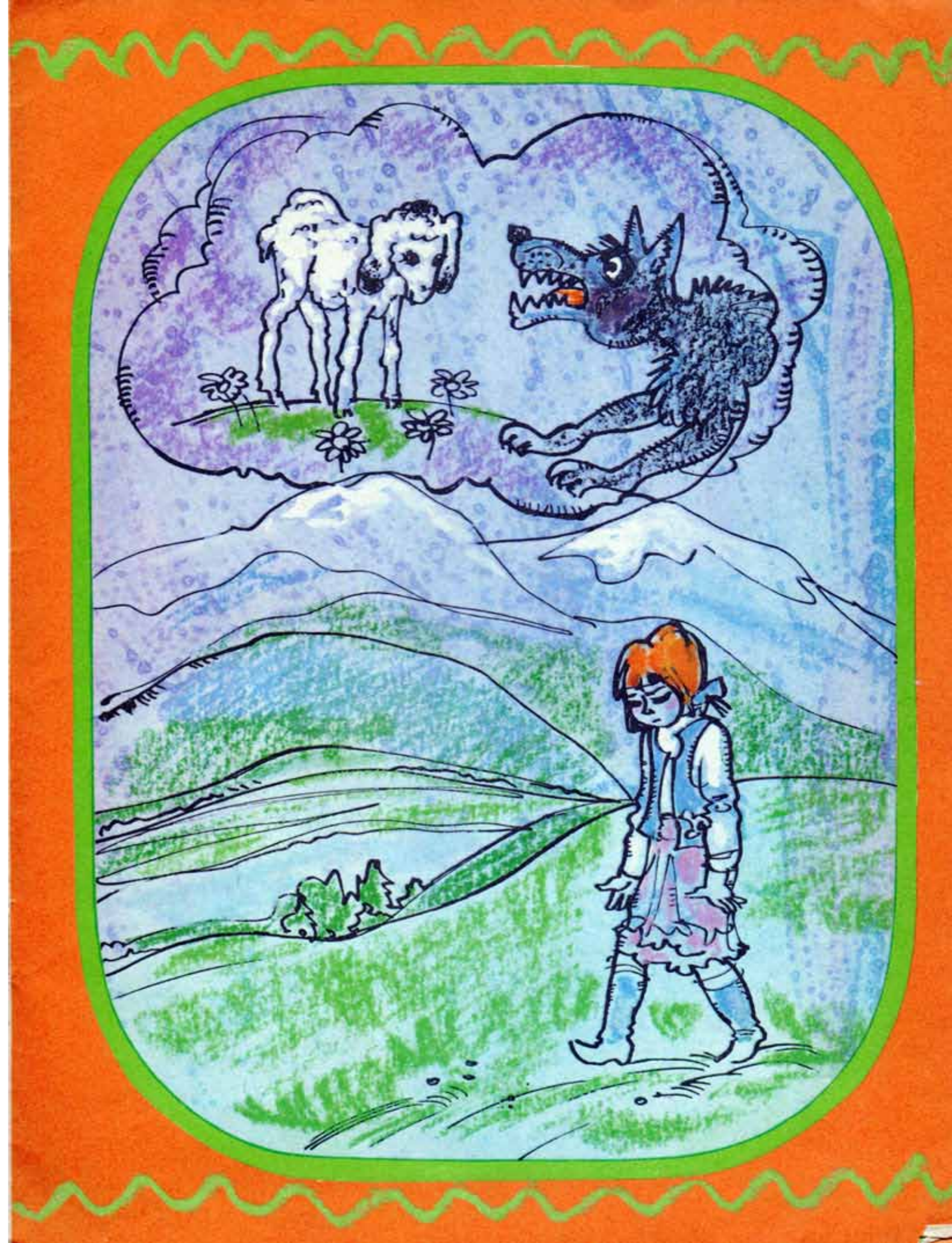
И вдруг черно сделалось в небе, потемнело вокруг. Целая стая ворон поднялась с веток.

— Пр-р-равда, пр-р-равда! — вопили они наперебой так, что ушам стало больно.

Посмотрела Кузелеша — везде на лиственницах вороны гнезда.

Страшно ей сделалось. «Это я в их деревню попала... — догадалась она. — Вон их сколько. Что я против них...»

Слезы выступили на глазах у Кузелешу.



Как Ягненок нашелся

Но кто это там выехал из-за деревьев? Чабанка на Белой Лошади! Сразу притихли вороны. Попрятались в гнезда.

— Нашла своего Ягнящу? — спросила Чабанка.

А Белая Лошадь помахала хвостом.

— Не-а... — всхлипнула Кузелеша.

Чабанка наморщила лоб.

— Постой, постой... Когда ехала я мимо стада коров, кажется, белое что-то там копошилось...

Кузелеша не дослушала. Никогда еще она не бегала так быстро. Цветы, грибы, норки кротов и сусликов — только и мелькали, оставаясь позади.

Наконец Кузелеша примчалась на поляну, где паслись коровы.

— Ягняша! — позвала во весь голос.

Звонко получилось — как у жаворонка.

И послышалось протяжное, обиженное:

— Ма-а-а-а...

Словно пушистый белый мяч, подпрыгивая, покатился к Кузелеше через поляну.

Кузелеша побежала навстречу...

Вообще-то Кузелеша не плакса. И раньше плаксой не была.

С баней только у нее сперва не получалось...

Каждый раз, когда топили баню, Кузелеша говорила:

— Вот увидите, не заплачу. Ни капельки!

Но едва Мама начинала мыть ей голову, как ни старалась Кузелеша — не могла удержаться...

А потом, вытираясь большим полотенцем, обещала:

— В следующий раз не буду!

И однажды все-таки вытерпела. С тех пор никогда не плачет.

Как спасти своего друга?

— Балам, человек растит овец, чтобы кормиться самому, — терпеливо объяснял Папа. — А иначе зачем бы люди содержали такие стада, тратили на это столько сил и ума? Столько бы работали и в зимнюю стужу, и в летний зной?

Загорелись глазенки у Кузелеша.

— Папа, а ты сделай мне косу! Я сама буду косить.

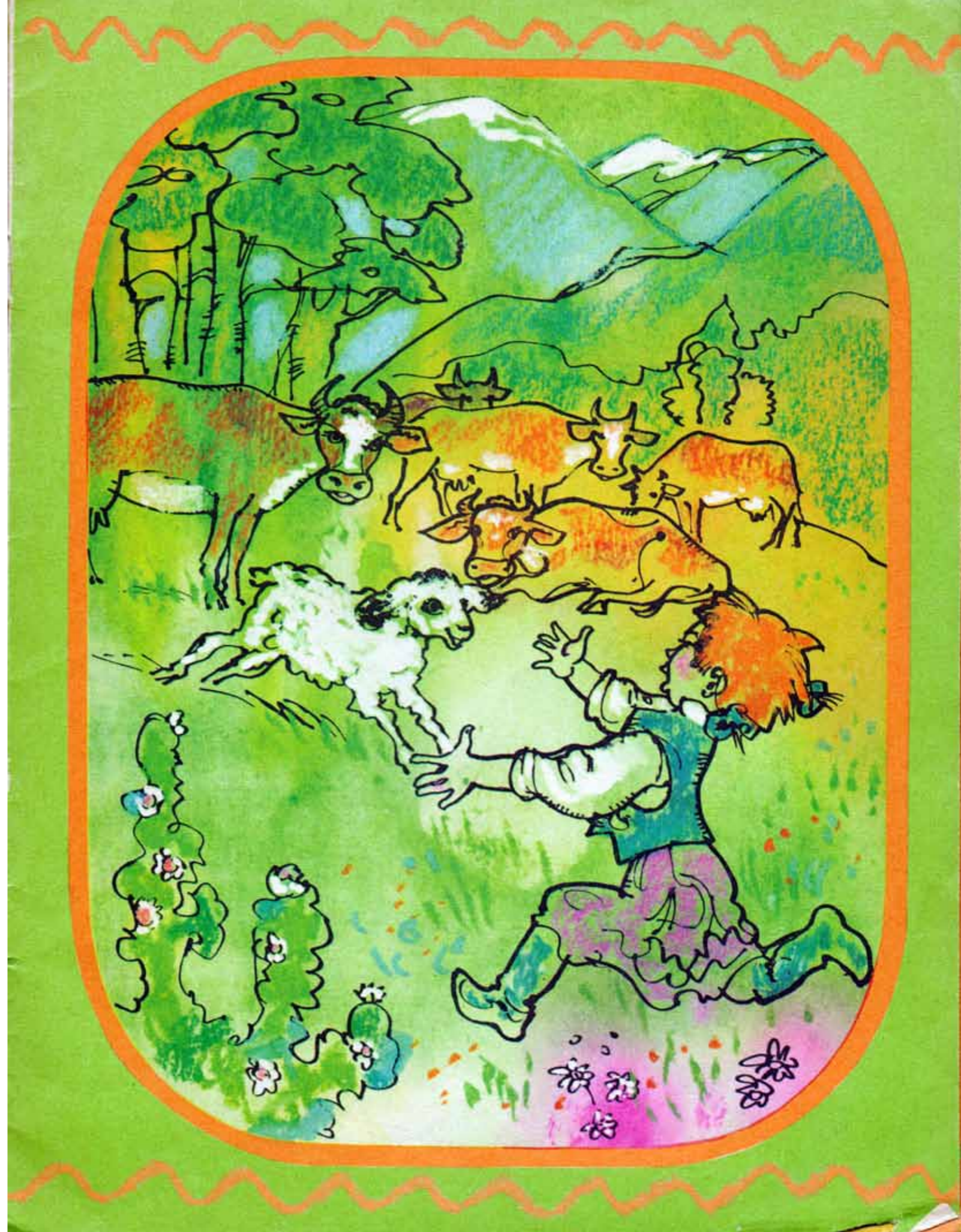
Улыбнулся Папа.

— Э, балам, косу-то сделать недолго. Только маленькая ты. Силенок твоих не хватит. Кузелеша подумала.

— А ты, Папа, сделай мне косу игрушечную!

— И это можно, балам. А вот где мы траву игрушечную найдем? Такой травы не бывает...

А Ягняша все рос и рос, все тяжелел и тяжелел. Стал почти со взрослую овечку. Когда он шел, спина его, гладкая, покатающаяся, так и колыхалась. Он теперь редко подбегал к Кузелеше, не ждал ее по утрам, не искал. Занимался своим важным делом: ел, ел, ел.



Торопился. Откуда-то каждому ягненку известно: вслед за летом придет суровая зима и надо запастись силой, жиром, чтобы не бояться ее встретить. Иногда только, раззадорившись, пускался он с Кузелешей наперегонки.

«И вправду, видно, зарежут Ягненка», — печалилась Кузелеша.

Забивалась в уголок, сидела тихонечко.

«Выходит, так надо, — вздыхала Кузелеша. — Ничего не поделаешь...»

Но как ни оправдывалась — жалко было Ягнящу. И все равно виновата она оставалась перед своим другом.

Послушать только, о чем говорят девочки, возвращаясь из школы!

— У нашей Хлопотуньи пятнадцать цыплят.

— А у нас у Важной Гусыни десять гусят!

— А мы гусей не держим. Мама говорит, они могут меня покусать. Вот когда я вырасту, у нашей гусыни будет девяносто девять гусят!

— А наша Белолобая с двумя ягнятами.

— А у нашей Длиннохвостой трое!

— А у нас у Широкогогой Козы — трое козлят...

И даже вот такое можно услышать:

— А у нашей Красивоглазой Овечки — двойня. Один — ягненок, а другой — козленок! Да!

Кто-же это мог сказать? Ну конечно, наша Кузелеша...

Наступила пора желтолистья

Словно огнем занялись на горах деревья, кусты, травы. Улетали журавли. Так высоко они летели, что их едва отыскивали зоркие глаза Кузелешы. Осень, значит, будет долгая, ясная.

Мужчины убрали урожай в полях, готовились к зиме. Женщины сходились то в одну, то в другую юрту и теребили шерсть, катали войлок.

Однажды вечером, когда Папа колот дрова и складывал их в поленницу, мимо дома проезжала Чабанка. Ее Белая Лошадь за лето совсем отяжелела от сытости, но по-прежнему без конца крутила хвостом.

Чабанка натянула поводья, и Белая Лошадь остановилась.

— Говорят, вы собираетесь зарезать Кузелешиного Ягненка? — спросила Чабанка.

Папа положил топор и кивнул.

— Отвезите его ко мне, — сказала Чабанка. — Я вам вместо него дам своего барана. А Ягненка возьму к себе в отару. Он ведь овечкой должен стать, верно? Вот и пусть живет, приносит пользу, кормит людей.

Взмахнула Чабанка плетью — и Белая Лошадь пошла дальше.

Кузелеша сидела на веранде с книжкой и слышала все до единого слова. Так она обрадовалась, что отложила книгу, схватила скакалку и долго прыгала, прыгала, прыгала!

Секреты Кузелешы и Ягненка

Коровы возвращались по домам, когда Папа, Кузелеша и Ягненок ехали в стареньком «жигуленке» далеко в горы, туда, где Чабанка пасла отару овец.

Кузелеша обняла Ягненка за шею и что-то шептала ему. Впрочем, теперь уж совсем неправильно называть его Ягненком. Такой он большой. Но Овечкой звать пока не станем: еще рано. Пусть будет Ягней.

Что Кузелеша шепчет своей Ягне? Точно мы не знаем. Только Кузелеше да Ягне это известно. Даже Папа ничего не слышит. Но мы вместе с ним можем догадываться.

— Мы расстаемся, Ягня, — наверное, шепчет Кузелеша. — Жизнь у тебя начнется совсем другая. Трудная, но настоящая. Ты борись, будь сильной. Стань хорошей овечкой! Пусть вырастет у тебя много длинной белой шерсти. Пусть у тебя будет много-много красивых, как ты, ягнят. Счастья тебе! А я скоро приеду в гости...

Как Кузелеша пошла в школу

Ясным солнечным утром Кузелеша торопилась в школу. Была она в белом фартуке, и бантики у нее тоже были белые. А сумка — красная, и на ней нарисована бабочка.

Хотя солнце светило вовсю, выпал иней, и было холодновато.

На столбе сидела Ворона.

— Кар-р-р! — крикнула она, увидев Кузелешу. Тряхнула крыльями и опять закричала: — Ягненка нет! Он умер-р! Я пр-робовала его гр-р-рудку! Вкусно, жир-р-рно!

И заскакала по верхушке столба.

Кузелеша остановилась.

— А вот и врешь! — сказала. И тоже запрыгала. Сначала на одной ноге, потом на другой. — Тебе Ягню не найти, не найти!

Она еще попрыгала бы перед Вороной, но тут зазвенел звонок. Его слышно было по всей улице.

Кузелеша побежала в школу.

Ворона, нахохлившись, смотрела ей вслед. Смотрела, смотрела, а потом опустила крылья, повесила голову.

С тех пор Ворона перестала прилетать. Кто знает, почему. И Кузелеша, раз Вороны не видно, позабыла о ней.

А вот Ягня... Про Ягню Кузелеша будет помнить всегда.

Алтай, Канская долина, село Яконур,
месяц Кукушки, год Овечки

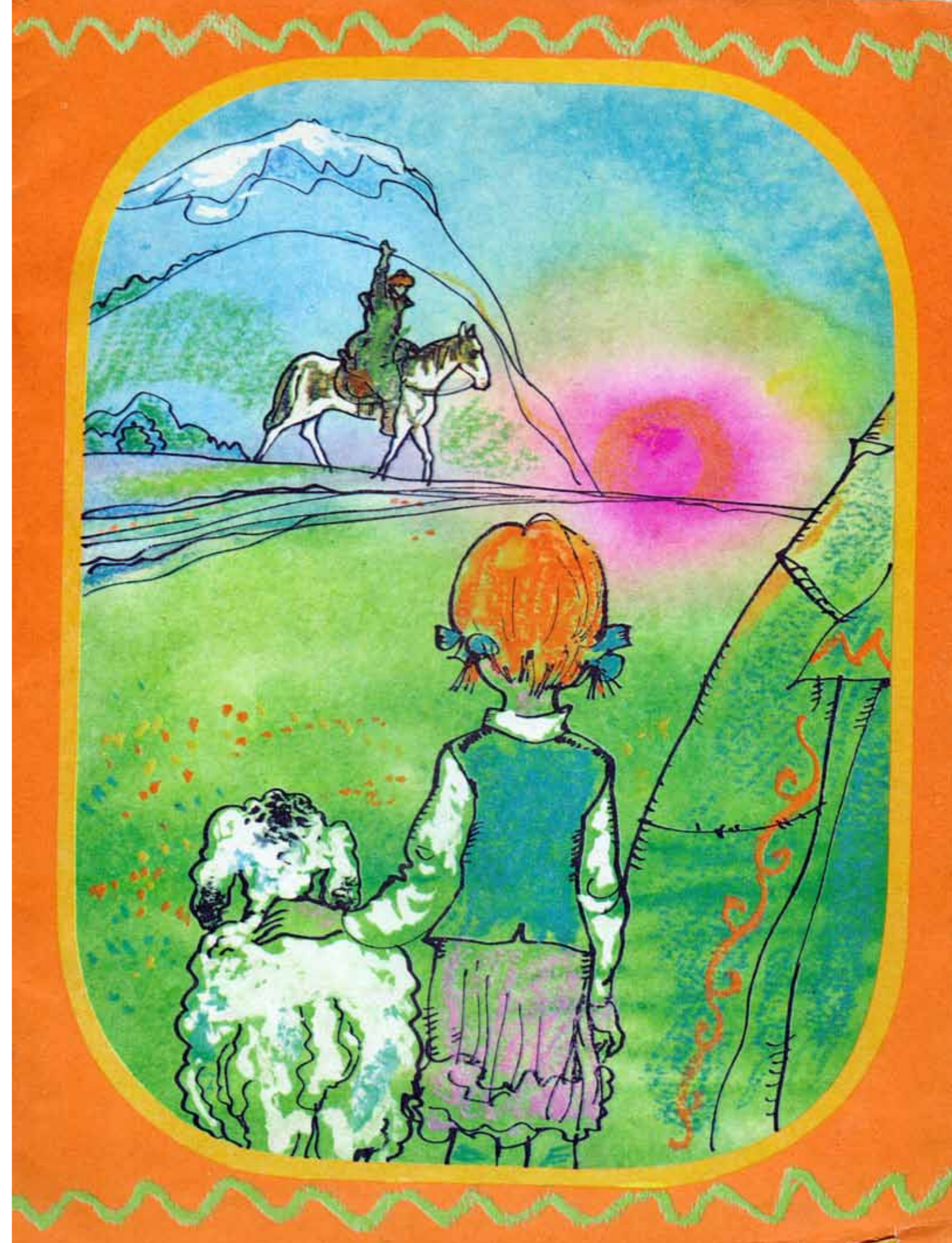
Дибаш Каинчин

ДЕВОЧКА И ЯГНЕНОК

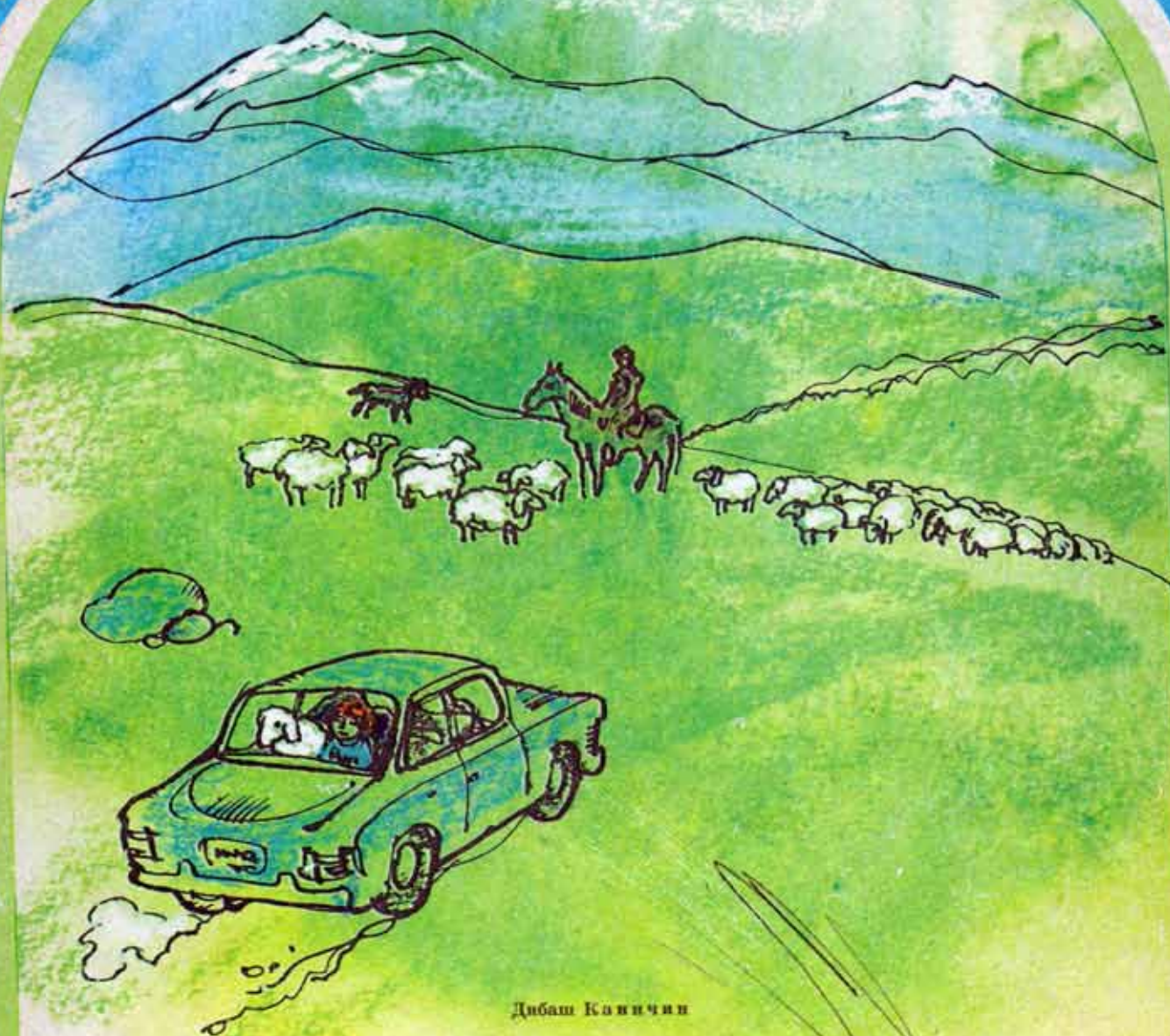
Рассказ для детей

Перевод Давида Константиновского

художник Спартак Калачев



25 к.



Дибаш Квинчин

ДЕВОЧКА И ЯГНЕНОК

*Рассказ для детей дошкольного
и младшего школьного возраста.*

Перевод с алтайского Д. Константиновского

Художник Спартак Калачев

Редактор Н. К. Герасимова. Художественный редактор А. Н. Тобух.
Технический редактор В. В. Злобина. Корректор Л. И. Давыдова.

ИБ № 2275

Сдано в набор 06.10.87. Подписано в печать 15.02.88. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. офс. № 2. Гарнитура школьная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,0. Усл. кр.-отт. 18,0. Уч.-изд. л. 3,11. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1863.
Цена 25 коп.

Новосибирское книжное издательство, 630132, Новосибирск, Красноярская, 112. Калининский ордена Тру-
дового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома
Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.



ББК 84 А7
К 17

К 4803010000-058 67-88
М143(03)-88

© Новосибирское
книжное издательство, 1938